

Список литературы и источников

1. Деятели науки и техники Нижнего Тагила: XVIII–XIX вв. / Нижнетагил. музей-заповедник «Горнозав. Урал»; ред. А. Х. Фахретдинова. — Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник, 2004. — 32 с.: фот.
2. Лучшему юному технику Нижнего Тагила вручили премию имени Аммоса Черепанова / Нижний Тагил: официальный сайт. 4.09.2012. Режим доступа: http://www.ntagil.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=79007 (дата обращения: 5.12.13).
3. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы / Собр. соч. в 8-и томах. Т. 8. — М.: Гослитиздат, 1995. — 752 с.
4. Международный Демидовский фонд: официальный сайт. Режим доступа: <http://www.indf.ru/default.asp?m=4&t=5> (дата обращения 9.12.13).
5. Бажов П. П. Чугунная бабушка // Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. Избранные сказы самобытного уральского писателя П. П. Бажова, оформленные и иллюстрированные художниками всемирно известного Палеха. — М.: Издательский центр «Классика», 2004. — 560 с., ил.

Л. М. Гаврилина

«КАЛИНИНГРАДСКИЙ ТЕКСТ»

КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Крупнейший цивилизационный сдвиг, который сегодня переживает человечество, породил много проблем, активно обсуждающихся в различных направлениях социально-гуманитарного знания. Одной из них является кризис идентичности, осознанный как серьезный социокультурный вызов современному человечеству. Проблема имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, и по аналогии с «cultural studies», «memory studies» можно говорить о сложившемся в последние десятилетия направлении «identity studies». «Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни. Признанным объектам изучения социальных наук присваиваются новые формулировки и придается новый вид, чтобы они соответствовали дискуссиям, ныне вращающимся вокруг оси “идентичности”» [1, с. 176]. Широкое использование понятия «идентичность» в контексте различных дисциплин — психологии, социологии, культурологи, философии и т.д., а также употребление термина в публицистике, — породили множество его значений и коннотаций, что усложняет обсуждение проблемы и усиливает теоретико-методологическую неопределенность. Интенсивные дискуссии последних десятилетий, хотя и не привели к единомыслию (более того, часть исследователей вообще считает, что от понятия «идентичность» в научном дискурсе

нужно избавиться, подобрав ему достойную замену), все же позволили выявить некоторый круг устоявшихся представлений об идентичности.

Большинство исследователей исходит из того, что идентичность является важнейшим механизмом социокультурной адаптации индивида и групп к меняющимся условиям существования. Э. Эриксон писал: «Психосоциальная идентичность необходима как якорь в быстротечном существовании человека «здесь и теперь»[20, с. 51]. Поэтому ситуация кризиса идентичности болезненна для индивида (утрачивается «якорь», теряется экзистенциальная устойчивость) и чревата многими проблемами для социума. Идентичность является результатом преимущественно бессознательных процессов соотнесения себя с окружающим миром, происходящих в психике человека под воздействием внешних факторов. Эти механизмы активно исследуются психологами, социологами, культурологами. Возможность влияния на формирование идентичности, ее конструирования сделали проблему объектом пристального внимания со стороны властных структур, политологов, создателей рекламы, имиджмейкеров и т.д.

Жесткое противопоставление и взаимное отрицание конструктивистского (идентичность как отношение) и атрибутивного подходов (идентичность как свойство) уступило место сдержанному признанию, по крайней мере, частью исследователей, их взаимодополнительности. В их соотношении стали видеть отражение универсального процесса взаимодействия «ставшего» и «становящегося», объективного и субъективного в социокультурных реалиях. Принято различать идентификацию как процесс и идентичность как результат идентификации.

Мощными вызовами идентичности во второй половине XX века стали развернувшиеся в культуре парадигмы глобализации и постмодернизма. В условиях «текучей современности» человек находится в «супермаркете идентичностей», где он «свободен покупать или так кажется» [2, с. 93]. То, что получило в литературе название кризиса идентичности, — это состояние имманентное современной культуре, вытекающее из ее специфики. Об этом пишет В. Н. Порус, разделяя проблему культурной идентичности и культурной самоидентификации: «самоидентификация возможна в той культуре, среди принципов которой — признание иных ценностей как таковых», то есть — в ситуации признания множественности культурных ценностей и свободы выбора между ними. Если этого нет, культурная идентичность индивида устанавливается по факту его рождения, происхождения, языка и т.д., и его личное участие в такой идентификации не обязательно[16, с. 346]. Европейская культура XX века поступательно развивалась именно в этом направлении: от унифицированной системы доминирующих ценностей и норм, характерных для эпохи модерна, — к полицентризму, плюрализму эпохи постмодерна. Соответственно, утрата идентичности и

ее поиск становятся неотъемлемой и закономерной частью современного культурного ландшафта.

С кризисом идентичности на постсоветском пространстве столкнулись в полном объеме в 90-е годы. Официально сконструированная формула коллективной идентичности — «советский народ» — обрушилась и была смыта волной регионализации и этнизации. В условиях тотального идеологического вакуума выходом для многих стало обращение к «месту», в котором они проживали, поиск «изюминки», специфики, отличающей «нас» от «них». Стало актуальным формирование региональной идентичности. Этот процесс в значительной степени имел стихийный характер, направленный на адаптацию социума к новым условиям, однако заметную роль сыграли и местные элиты, пытавшиеся конструировать идентичность, скатываясь иногда на грань манипуляции. Создание привлекательного образа региона было важным как для внутреннего употребления (поддержания психологического комфорта жителей), так и для достижения политических и экономических целей вовне. Брендинг «места» стал важной задачей для региональных элит. Позже в процесс включился бизнес, прежде всего, туристический. Регионы захлестнул процесс «изобретения традиций».

Идентичность — непростой предмет для исследования. Если рассматривать идентичность только как отношение, то есть как процесс и результат самоидентификации, то единственным критерием истинности является суждение о себе индивида, которое оказывается самоуверяющим. При этом самоидентификация чрезвычайно ситуативна, изменчива, она зависит от многих внешних факторов, может меняться в зависимости от контекста. Она становится подвижной, континуальной: «гибкой», «плавающей», «протеевской», декларируемой и т.д. Ее изменчивость отражает динамику социальных настроений. Для изучения самого субъекта культуры гораздо более значимым является анализ ментальной идентичности (тождества индивидов на уровне ментальности), которая, будучи фундаментальной характеристикой личности, становится основой, в том числе и для самоидентификации. На этом поприще возникают сложности методологического характера. Ментальность, как известно, укоренена в глубинах психики и осознается субъектом только частично. Для выявления особенностей этого глубинного ценностного уровня исследователями разрабатываются и успешно используются методы глубинного проективного интервьюирования, контент-анализа, реконструкции и интерпретации картины (образа) мира и т.д.

Для анализа региональной идентичности, представляется вполне правомерным обратиться к так называемым локальным текстам культуры. Тема локальных или «городских» текстов — своеобразных текстов-конструктов, отражающих специфику того или

инного локуса и являющихся его знаковой манифестацией, — получила широкое распространение в современной русскоязычной филологической и культурологической литературе. Оформился устойчивый и достаточно объемный дискурс вокруг петербургского текста (Н. П. Анциферов, В. Н. Топоров), обсуждаются пермский текст (В. Абашев), крымский (А. Люсый), неоднозначную трактовку в литературе получила проблема московского текста. Думается, что «калининградский текст» также должен быть рассмотрен в ряду важнейших локальных текстов русской культуры. В ряде публикаций нами была предпринята попытка обоснования этого феномена и выявления его структуры и особенностей [4; 5].

Локальные или «городские» тексты могут быть рассмотрены и как репрезентация идентичности местного сообщества, и как форма и способ ее конструирования. В последние два десятилетия на постсоветском пространстве мы наблюдаем настоящий бум локальных текстов (и интереса к их исследованию), который стал своего рода ответом на кризис идентичности. В условиях «текущей современности» локальные сообщества таким образом пытаются утвердить «локальный порядок на фоне глобального хаоса» [1], стремясь сделать более значимым свое пространство, фиксируя или конструируя особенности своего локуса.

Анализ функционирующих в коммуникативном пространстве текстов культуры как знакового запечатления неких значимых для социума смыслов, выявление совокупности устоявшихся в дискурсе идей, позволяет выйти на проблему региональной идентичности, не задавая вопрос о самоидентификации напрямую субъекту культуры. Локальный текст представляет собой неоднородное явление, он складывается из множества источников, воплощает творчество масс и энергию элит, отражает разные интересы, фиксирует оценки жителей региона и взгляд внешних наблюдателей. Для того, чтобы очертить содержание локального текста, необходимо последовательно использовать фильтр вторичной коммуникации, выявляя круг идей, символов, которые получили отклик, в том или ином виде закрепились в коммуникативном процессе.

Совокупность культурных текстов, сложившаяся в условиях калининградской региональной субкультуры на основе осмысления/переживания исторических и социокультурных реалий, представляет собой смысловое и языковое единство, которое позволяет говорить о формировании **локального сверттекста** [11; 12]. Отличительной особенностью подобного рода феноменов является их культуросцентричность: они всегда складываются вокруг того или иного ядра, на основе которого формируется «максимальная смысловая установка» (термин В. Н. Топорова), выражающая главную интенцию текста. Центрирующим «калининградский текст» фундаментом стало осмысление отношения к чужой исто-

рии, чужой культуре, во взаимодействии с которыми приходится жить калининградцам. Этот процесс идет как стихийно, на уровне массового сознания, в структурах повседневности, так и на специализированном уровне — в политическом и научном дискурсах, в сфере художественной культуры, в рекламной продукции. Концептуализация этого отношения представляется жизненно необходимой для развития российской культуры на территории бывшей Восточной Пруссии.

Ощущение особости стало неотъемлемой частью самосознания жителей области уже после войны, со временем причины и условия этой особости менялись, но неизменным оставался сам статус. Идея социально-экономической специфики области в 90-е годы области утвердилась в массовом сознании благодаря политическому дискурсу и длительному процессу борьбы администрации области за «особую экономическую зону». Культурно-историческая специфика у большинства жителей никогда не вызывала сомнения, но стала открыто обсуждаться и изучаться лишь в последние два десятилетия. Несмотря на желание власти превратить новую область в среднестатистическую советскую, ощущение ее инаковости всегда было абсолютным и трудно скрываемым. Определило своеобразие региона само решение создать на территории бывшей Восточной Пруссии российскую область. Жесткие режимные меры были направлены на превращение Калининградской области в военный форпост, «крепость Советского Союза на Западе». В течение долгих лет это была «осажденная крепость», въезд куда был ограничен даже для советских граждан и закрыт для иностранцев. Постепенно в процессе радикальных политических и социально-экономических преобразований начала 90-х годов, когда область стала открытой, идея «осажденной крепости» утратила актуальность и трансформировалась в свою противоположность — «мост».

Осмысление «особости» порождало некие формулы, которые закреплялись в текстах и в массовом сознании. Область оказывалась «самой-самой» во многих отношениях. **«Самая молодая»** — созданная после войны, область была самым молодым субъектом Российской Федерации. **«Самая маленькая»** — область действительно самая маленькая по площади в Российской Федерации. Обычно вспоминается это с подтекстом: «мал золотник, да дорог». При этом делаются ссылки на список государств, которые меньше Калининградской области (Люксембург, Мальта, Андорра, Монако и т.д.). **«Самая западная»** — под таким названием вышла в 1959 г. «первая книга о Калининградской области, посвященная её образованию, восстановлению промышленности и сельского хозяйства, жилищному и культурному строительству с первых послевоенных лет» [10]. Название прижилось и активно стало использоваться и в словесной риторике, и в названиях книг, статей [7; 17]. Территория огромной страны фиксировалась по маркерам: «с

запада на восток, от Калининграда до Владивостока». Позже, идея «российского запада» закрепились в 90-е годы в названии журнала калининградской писательской организации — «Запад России». Конечно определение области как «самой западной» обычно несет в себе не только географический смысл. Политикам вторят поэты: «Самый западный город огромной страны, нам не в жилу московское время»[21, с. 239]. «Город мой западный, ужасно не лапотный»[21, с. 245].

«В самом центре Европы». Для массового сознания упоминание о «центре Европы» — некое клише, указывающее на особое расположение области в непосредственной близости от развитых европейских стран. Близость к европейским странам, возможности экономического и культурного взаимодействия с ними калининградцам в полной мере удалось оценить, пожалуй, лишь в короткий период после распада Советского союза и до вступления Польши и Литвы в Шенгенское пространство, после чего появились новые ограничения при пересечении границ. Калининградцы всегда гордились своей «европейскостью», которую видели, прежде всего, в историко-культурном наследии и бытовой инфраструктуре, которая достаточно быстро менялась, приобретая некоторые черты, сходные «с цивилизованной Европой».

Особое географическое положение «в центре Европы» («Калининград — западнее Варшавы», «расстояние до Берлина — меньше, чем до Москвы») — стало рассматриваться как залог **особой геополитической миссии** области. Область как «*форпост России*», «*окно в Европу*», «*мост между Россией и Европой*», «*Калининград — перекресток европейской истории*» [18, с. 6], «*перекресток культур*» [14], «*российский полюс интеграции в европейское социокультурное пространство*»¹ и т.д. В предисловии к сборнику произведений победителей областного литературного конкурса «Молодые голоса» столь же молодые редакторы звонко-оптимистично формулируют представление о миссии региона: «Калининградская область — *особая территория*. То, что мы отделены от большой России границами других государств накладывает на нас дополнительную ответственность — для европейских стран мы являемся представителями российской культуры. Осознание этого очень важно для каждого жителя нашего региона и вдвойне — для человека занимающегося творчеством»[13, с. 3].

С особенностями местоположения области связаны представления об **особых возможностях** для социально-экономического развития области[9]. Под знаком создания особых условий для развития области в связи с ее спецификой прошли два последних десятилетия: «*особая экономическая зона*» — «*свободная экономическая зона*» — «*пилот-*

¹ См.: Символика университета: Официальный сайт БФУ им. И. Канта: <http://www.kantiana.ru/about/>

ный регион» — будучи не слишком эффективными экономически, прочно закрепили в массовом сознании тезис об особом положении области. Широкое распространение в академической и политико-экономической сфере получило определение области как «**региона сотрудничества**»¹, использующееся с надеждой, как заклинание.

Оценка особости носит амбивалентный характер. В позитивных коннотациях область маркируется как «форпост России», «окно в Европу», «мост между Россией и Европой», «перекресток культур» и «перекресток европейской истории», «российский полюс интеграции в европейское социокультурное пространство», «регион сотрудничества». В негативных коннотациях она — «остров России» и даже «узник Европы».

«**Остров России**» — так в массовом сознании была осмыслена анклавно-эксclave специфика области. «Мы не островок России, мы — единая Россия!» — предвыборный слоган одной из партий, который украшал город в процессе избирательной кампании 2006 года. Интерпретация мотива «острова» — противоречиво-амбивалентная, несколько лукавая. Для одних в мотиве «острова» фиксируется оторванность от собственного культурного материка — России, которое сопровождается ущемлением интересов калининградцев (например, усложнение транзита в Россию). Для других акцент делается на том, что этот остров находится в центре благополучной Европы, что делает ситуацию даже привлекательной, особенно, если бы границы и административные барьеры не отделяли «остров» от европейского окружения. В. К. Кантор считает «калининградский остров <...> чрезвычайно показательным и удачным местом» для интеграции России в европейскую экономику и политику. В этом процессе область может, по его мнению, «стать флагманом всей страны»[8, с. 10, 22]. Дополнением к мотиву «острова» является определении остальной части России как «материка» или «большой России», «большой земли».

Таким образом, в позитивной коннотации мотив «острова» продолжает тему форпоста России в Европе, в негативной он может облекаться в формулу: «**Калининград — узник Европы**». Под такими лозунгами в сентябре-октябре 2010 года прошла шумная акция, были организованы пикеты перед консульствами Литвы и Польши за отмену визового режима для калининградцев. Как известно, после расширения шенгенского пространства, Калининградская область внутри него.

Амбивалентность, двойственность, пограничность может быть рассмотрена как структурная особенность «калининградского текста». Она ярко проявляется в осмыслении главного — **историко-культурного** — фактора «особости» области. Важнейшим сквоз-

¹ «Регион сотрудничества» — название серии сборников, выпускавшейся Балтийским МИОН.

ным топосом «калининградского текста» является **мотив «двух — в одном» миров**: «своего» и «чужого», «нашего» и «немецкого», «послевоенного» и «довоенного», Калининграда и Кенигсберга. Первым вариантом интерпретации этих историко-культурных и политических реалий, построенным на жесткой оппозиции двух миров, стала политика Советского государства по отношению к новой российской области. Совокупность оценок, установок, выраженная в получивших широкое хождение словесных формулах, была попыткой конструирования региональной идентичности «сверху». Эта своеобразная редакция будущего «калининградского текста» формировалась в первое десятилетие после войны, слегка корректировалась в последующие два десятилетия. Центральным оставался мотив осажденной крепости, форпоста, находящегося на вражеской территории. Сильно идеологизированный и оторванный от «места», от реального жизненного пространства, этот вариант не стал полноценным локальным текстом, и может рассматриваться как *политический дискурс*, который завершился, когда исчезли условия, его породившие.

Существующий ныне «калининградский текст» начинает активно складываться в постперестроечное время параллельно с формированием калининградской региональной субкультуры, однако его зарождение относится к более раннему времени. Анализируя механизмы формирования локальных свертхтекстов, исследователи, обратили внимание на то, что у истоков наиболее ярких и «сильных» из них, обычно обнаруживается фигура гениального творца, провидца, фиксирующего самую суть явлений, до поры до времени скрытую от других. В яркой, эстетически значимой форме, они формулируют ту самую «монументальную смысловую установку», вокруг которой начинает складываться смысловое, символическое и лексическое единство будущего локального свертхтекста [11; 12]. Так, В. Н. Топоров, описывая генезис и структуру Петербургского текста, называет имена многих его создателей, среди которых есть несколько ключевых: «Наиболее значительные в свете Петербургского текста имена — Пушкин и Гоголь как основатели традиции; Достоевский как ее гениальный оформитель, сведший воедино в своем варианте Петербургского текста свое и чужое, и первый сознательный строитель Петербургского Текста как такового; Андрей Белый и Блок как ведущие того ренессанса петербургской темы, когда она уже стала осознаваться русским интеллигентным обществом; Ахматова и Мандельштам как свидетели конца и носители памяти о Петербурге, завершители Петербургского текста; Вагинов как закрыватель темы Петербурга, «гробовых дел мастер» [19, с. 210].

У истоков «калининградского текста» стоит фигура И. Бродского, побывавшего в Калининграде и в Балтийске в 1963 и 1968 годах. Шестидесятые годы были переломными в недолгой российской истории города. Два десятилетия после окончания войны, в Калининградской области царил безвременье: неуверенность в сохранении статуса области

(тревожная формула «чемодан — вокзал — Россия» хорошо известна калининградцам). Из области вывозилось все мало-мальски ценное, ничего не строилось и толком не восстанавливалось. Наконец, власть дала установку: строить новое и решительнее сносить старое. Бродский застал конец этой эпохи «застоя и неуверенности». Через год после его второго посещения Калининграда были снесены руины замка (был вырван «гнилой зуб» в центре города, по выражению А. Н. Косыгина), — и начато строительство социалистического города.

Результатом поездок Бродского стали три стихотворения: «В ганзейской гостинице «Якорь»...» (май 1964 г.), «Einem alten Arcitekten in Rom» (ноябрь-декабрь 1964 г.) и «Открытка из города К.» (предположительно 1968 г.). В конце 80-х - начале 90-х годов XX века, когда произведения Бродского появились в российских изданиях, стихотворение «Einem alten Arcitekten in Rom» [3, с. 79 – 82] было напечатано в первом номере нового художественно-публицистического журнала Калининградской писательской организации «Запад России» и стало достоянием читающего Калининграда. О. Глушкин, бывший главным редактором журнала, много позже писал, что выбор стихотворения Бродского в качестве «запева» редколлегией рассматривался как высокая планка, которой должен соответствовать литературный уровень издания [6, с. 81]. Стихи Бродского, по мнению Глушкина, «стали тем камертоном, по которому сверяется настрой поэзии. У многих калининградских авторов, мы найдем скрытое, а иногда и явное влияние Бродского. <...> Избежать влияния Бродского почти невозможно» [6, с. 82] Действительно, образ города, созданный поэтом, его символы, даже отдельные словесные формулировки позже «проросли» в поэзии калининградских авторов, став своеобразным смысловым центром, ядром Калининградского текста. Бродский задал его структуру и тональность, заложил ту самую «монологическую смысловую установку», вокруг которой складывается локальный свертхтекст.

Прежде всего, это касается осмысления онтологии «двоемирия». В отличие от поэзии, озвученной советской идеологией, был Кенигсберг — «мрачный город-крепость», «цитадель фашистской реакции», — стал Калининград — советский город, «форпост Советского союза на Западе», у Бродского два мира — довоенный и послевоенный, «чужой», немецкий и «наш», советский, Кенигсберг и Калининград сосуществуют. Прошлое — не исчезло, оно обрело другую, виртуальную форму существования. Два мира живут параллельно, говоря при этом на разных языках («деревья что-то шепчут по-немецки»), часто не понимая друг друга («дразня язык, бормочет речка смутно»). Мотивы **двоемирия** и **двуязычия** именно в версии Бродского стали сквозными в «калининградском тексте». Два мира были разделены в пространстве и времени **границей**, маркерами которой выступают *война, стена, стекло, зеркало, руины*.

Война — важнейший узел и точка отсчета в региональной истории, она расколола мир надвое: довоенный Кенигсберг, лежащий в руинах и послевоенный Калининград, которого в 60-е годы еще практически не было. Бродский не упоминает слово «война», он создает образ послевоенной разрухи: *«тир бомбардировщиков»* оставил после себя город, *«разбитый в прах — и кем! — винтом крылатым»*. Почти в каждой строфе есть деталь, связанная с войной: *«взрывной волной»* заброшены рыбки на перила моста, *«с холмов развалины глядят в окно вагона»*, *«...купидоны, львы смущенно прячут за спиной обрубки»*, *«с порталов март смывает хлопья сажки»*; *«среди равнин, припорошенных щебнем, среди руин больших»* — *«разбитый дом, как сеновал в иголках»*, а *«вокруг лишь кирпичи да щебень»*. Это место, где концентрированно проявилось зло, насилие, где свирепствовала смерть, попирая жизнь и любовь. Но жизнь не остановить: *«трамвай бежит в свой миллионный рейс»*, *«и кашляют грачи в пустынном парке»*, *«во все глаза из-за ограды вдаль глядит коза»*, *«в соборе слышен пилорамы свист»*, среди руин стоит *«скромный бюст Суворова»* — знак новой культуры. Два мира, две жизни разделены во времени — **войной**, в пространстве — **зеркалом, стеной**:

*И жизнь бушует с двух сторон стены,
лишенная лица и черт гранита;
глядит вперед, поскольку нет спины,
Хотя теней в кустах битком набито [3, с. 80].*

У Бродского впервые появляется мотив **зеркала**, *«зеркальной глади»*, **стекла**, — поверхности, в которой отражается иная временная реальность. В зеркало смотрятся калининградские развалины, а отражается нечто иное: улицы, храмы, шпили Кенигсберга, Кант в прогулочной коляске, тени, призраки. Мотив зазеркалья стал неотъемлемой частью «калининградского текста»¹. Прошлое существует не только реально, в руинах, которые видны каждому, но и виртуально, в культурной памяти, отражаясь как в ней как в зеркале: прекрасный город, с озерами, башнями, замком и т. д., **город-призрак**, в котором гуляет **Кант**: его узнаваемый силуэт мелькает на многих городских пейзажах, тенью лежит на мостовых. Эти идеи Бродского получили широчайшее развитие позже и закрепились в «калининградском тексте».

Противостояние/взаимодействие двух городов: Кенигсберга и Калининграда превратилось в лейтмотив «калининградского текста». Визуально этот мотив противостояния часто обыгрывается через сопоставление двух главнейших символов: Кафедрального собора (или Королевского Замка) и Дома Советов. В последние годы, после завершения

¹ См. например выставку акварелей итальянской художницы Л. Ламберти «Семь мостов Кенигсберга» в КХГ (август-сентябрь 2013 г.), где основным мотивом стал Кенигсберг, отражающийся в воде.

строительства в центре Калининграда православного кафедрального храма, сложилась новая пара: Кафедральный собор на острове Канта и храм Христа Спасителя на площади Победы. Этот вариант vis-a-vis создает более дружественную атмосферу. Доминирующим становится не противостояние, а возможное взаимодействие, предполагающее движение навстречу друг другу, что отражает изменившиеся в последние два десятилетия реалии. Сходная картина наблюдается при анализе сувенирной продукции, в частности, магнитных табличек с видами Калининграда и городов области. Долгое время на них был только узкий круг объектов из довоенного прошлого: Королевские ворота, Собор, Замок. Сейчас круг образов сильно увеличился, стали широко использоваться изображения православно-го собора на площади Победы и нового комплекса «Рыбная деревня». Отношения между двумя мирами приобретают более дружественный характер, все чаще возникает мотив **«своего чужого»**:

*Чужое, как свое припоминая,
Кричит душа, освобождаясь от сна, —
По-русски, по-немецки ли — не знаю [18, с. 140].*

Глубинную связь идентичность с историей, историчностью отмечали многие исследователи. В поисках идентичности жители области вынуждены конструировать отношение к довоенному прошлому земли, на которой они живут, изучать его, интерпретировать, делать своим. В результате чужое прошлое становится частью культурной памяти, факты чужой истории, отобранные, интерпретированные, становятся частью калининградского образа мира. Наиболее значимые истории, образы, оценки «хабитуализируются», стереотипизируются, мифологизируются и закрепляются в пространстве «калининградского текста», который становится знаковой манифестацией калининградской региональной субкультуры и репрезентацией региональной идентичности.

Список источников и литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. — 390 с.
2. Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
3. Бродский И. Холмы: Большие стихотворения и поэмы. — СПб.: ЛП ВТПО «Киноцентр», 1991. — 360 с.
4. Гаврилина Л. М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6 (серия Гуманитарные науки). — С. 75 – 83.
5. Гаврилина Л. М. Символическое пространство «Калининградского текста» // Вестник Томского государственного университета, 2012. № 2 (18). — С. 66 – 72.
6. Глушкин О. Балтийских волн поющая строфа // Поэт в закрытом гарнизоне. — СПб.: Журнал «Звезда», 2008.
7. Калининград: самая западная область России: фотоальбом. — Калининград: Полиграф. компания, 2002. — 158 с.

8. Кантор В. К. Калининград, Россия, Европа: проблема понимания // На перекрестке культур: Русские в Балтийском регионе. Вып. 7: В 2 ч. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Ч. 1. — С. 10 – 22.
9. Клемешев А. П., Козлов С. Д., Федоров Г. М. Особая территория России. — Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
10. Колганова Э. М., Колганов И. П. Самая западная: Краткий очерк о Калинингр. обл. — Калининград: Кн. изд-во, 1959. — 62 с.
11. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. — Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007. — 344 с.
12. Меднис Н. Е. Феномен сверхтекста. Режим доступа: <http://www.old.megansk.ru/articles/111234> (дата обращения 12.12.10)
13. Молодые голоса. Сборник произведений победителей областного литературного конкурса. — Калининград: Запад России, 1999.
14. На перекрестке культур: Русские в Балтийском регионе. Вып 7: В 2 ч. / Под общей ред. А. П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Ч. 2. — 229 с.
15. Попадин А. Бинарные пары города К. Кое-что из символической топографии города // Арт-гид. Кёнигсберг/Калининград сегодня. — Калининград, 2005. Режим доступа: <http://art-guide.ncca-kaliningrad.ru/?by=p&aglang=rus&au=011popadin>
16. Порус В. Н. Социальная эпистемология и проблемы «культурной самоидентификации» // Субъективность и идентичность: Коллективная монография. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. — С. 338 – 363.
17. Самая западная: Сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области: [В 4 вып.]. — Калининград: Кн. изд-во, 1980.
18. Солнечное сплетение. Современная калининградская поэзия: 750-летию Калининграда и 60-летию Калининградской области посвящается / сост. И. Белов, С. Михайлов. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — 243 с.
19. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып.1. — СПб.: Эйдос, 1993. — С. 205 – 235.
20. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. — 344 с.
21. Янтарная струна. Песни бардов Калининградской области / авт.- сост. Ф. Суркис. — СПб.: Бояныч, 2006. — 327 с.